

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

УДК 316.6:159.9

Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rjaguzova@yandex.ru

Представлены результаты теоретического анализа конструктов «коллективная память» как хранилища коллективного опыта большой группы, репрезентированного в смыслах, символах, образах, культурных кодах, средствах, механизмах воспроизводства и трансляции прошлого, и «семейная память» как ее разновидность в контексте малой группы. *Полагается*, что коллективная и семейная память выступает своеобразной онтологической опорой, позволяющей акторам устанавливать порядок и согласие в обществе, понимать принципы его жизнеустройства, конструировать социальную и культурную идентичность, выстраивать экзистенциальный смысл, траекторию и стратегию жизни личности, сохранять конфигурацию ключевых ценностей и транслировать их следующим поколениям. *Цель* исследования, представленного в статье, – определение специфических особенностей коллективной и семейной памяти как феноменов, возникающих в результате взаимодействия Я и Другого / Других. Основным методом исследования выступает теоретическая рефлексия коллективной и семейной памяти в контексте взаимодействия Я и Другого. Утверждается, что коллективная память есть обобщенная и управляемая память Других, доминантной функцией которой выступает сохранение целостности и безопасности большой группы, тогда как семейная память есть коммуникативная память, основанная на эффекте соучастия и сопричастности прожитого, пережитого и проговоренного опыта значимого Другого – представителя малой группы. Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в использовании результатов проведенной теоретической рефлексии при разработке основ политики памяти и коммеморативных практик, управлении прошлым и разрешении конфликтов памяти в рамках дискурса Большой истории, а также формировании метаустановок членов семейной системы по отношению к собственной действительной и действенной семейной истории.

Ключевые слова: коллективная память, Я – Другой, обобщенная память Других, семейная память, память значимого Другого.

Поступила в редакцию: 12.03. 2020 / Принята: 07.09. 2020 / Опубликовано: 21.12.2020

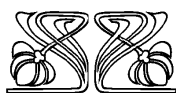
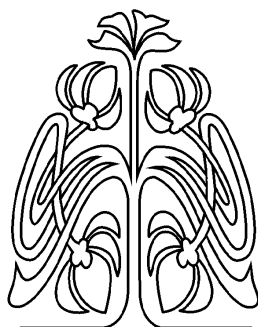
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-324-330>

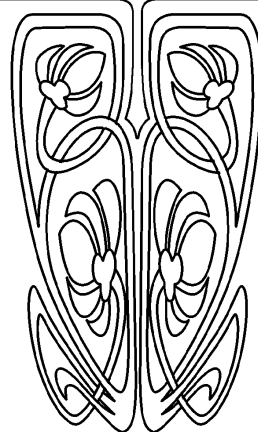
Введение

С констатации стремительных изменений, происходящих в современном мире, обусловленных глобализацией и миграционными процессами, тотальной информатизацией и цифровизацией, массовой виртуализацией и повсеместной технологизацией, начинались практически все научные статьи, авторы которых вписывали актуальность своего исследования в «текущую современность» [1].

Ситуация, связанная с пандемией и представляющая собой не только эпидемиологический, но и психологический кризис, не отменяя предыдущих вызовов, рисков и угроз, усиливающих неопределенность и непредсказуемость будущего, требует тотального переосмысления

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

жизненных проблем и остро ставит важные онтологические, экзистенциальные и аксиологические вопросы. Что будет дальше? Каким будет мир после пандемии? Как быстро восстановится мировая экономика? По какой траектории пойдет развитие всей цивилизации? Возможен ли диалог культур в условиях витальной опасности? Можно полагать, что пандемия и обусловленная ею самоизоляция не ставят мир на паузу, поскольку отмена паузы не означает плавного продолжения остановленного процесса, а подводит и приводит человечество к точке бифуркации, предполагающей целый веер сценариев дальнейшего развития цивилизации, общества, группы, отдельной личности.

Для того чтобы ответственно подойти к такому выбору, людям необходимо иметь устойчивые точки опоры, позволяющие устанавливать порядок и согласие в обществе, понимать принципы его жизнеустройства, конструировать социальную и культурную идентичность, выстраивать личностный смысл собственного существования и стратегию своей жизни, сохранять конфигурацию ценностей и транслировать их следующим поколениям, осознавать, кто Я и Другие – предшественники, современники, наследники.

Одной из таких точек опоры выступает коллективная память, которая, существуя по своим законам, призвана хранить коллективный опыт, репрезентированный в смыслах, символах, образах, культурных кодах, средствах и механизмах воспроизводства и трансляции прошлого.

Целью данной статьи является определение специфических особенностей коллективной и семейной памяти как интерактивных феноменов, возникающих в результате взаимодействия Я и Другого / Других. Полагается, что коллективная и семейная память выступает своеобразной онтологической опорой, позволяющей актерам устанавливать порядок и согласие в обществе, понимать принципы его жизнеустройства, конструировать социальную и культурную идентичность, выстраивать экзистенциальный смысл, траекторию и стратегию жизни личности, сохранять конфигурацию ключевых ценностей и транслировать их следующим поколениям.

Коллективная память как обобщенная и управляемая память Других

Коллективная память определяется как совокупность значимых для группы образных и вербальных репрезентаций прошлого, транслируемых и воспроизводимых членами группы в настоящем [2]. Она конституирует смыслы безопасности и выступает главной составляющей идентификационной матрицы общества и его представителей, условием формирования социальной и личностной идентичности. Коллективная память обеспечивает целостность и

единство общества, способствуя его консолидации и интеграции, эмоционально вовлекая его членов и актуализируя у них чувство «Мы», защищает и маркирует групповые границы, упорядочивает события в рамках нравственной дихотомии «добро – зло», детерминирует и усиливает активность социальных акторов в актуальном настоящем. Основной функцией коллективной памяти являются не столько удержание прошлого и его приватизация, сколько сохранение целостности группы (коллективной общности) и трансляция культурного кода, значимого для ее единства. Хронотоп коллективной памяти характеризуется сложностью, ее проекции локализованы во всех инстанциях темпоральности – прошлом, настоящем, будущем. Точкой соединения разных временных модусов, своеобразным аттрактором выступает важность и значимость событий для формирования групповой идентичности и конструирования смысла настоящего и будущего членами группы, стремящимися уменьшить неопределенность будущего и минимизировать риски повторения кризисных ситуаций и событий [3].

В качестве основных атрибутов коллективной памяти выделяются:

- отсутствие полного изоморфизма как по форме, так и по содержанию между фактом, историческим событием, социальной ситуацией, объектом или субъектом и их представленностью в коллективной памяти, поскольку репрезентации априори «запаздывают» относительно присутствия – презентации и возникают при отсутствии того, что представляют, соотносясь с ними лишь в онтологическом плане;

- непрерывность и открытость, связанные с тем, что содержание коллективной памяти постоянно обновляется и дополняется за счет совместного проживания и коллективного переживания новых событий и этапов жизни группы;

- динамичность, обусловленная тем, что репрезентации некоторых событий и фактов со временем могут вытесняться на периферию пространства коллективной памяти вследствие не только серьезных общественных потрясений, связанных с катаклизмами, кризисами и пандемиями, но и в том случае, когда сменяются поколения, уходят непосредственные свидетели или очевидцы тех или иных объективных событий, носители «живой» индивидуальной памяти о них, проходя своеобразный путь от «здесь и сейчас» бытия к ино-бытию, а затем к за-бытию, не исчезая при этом бесследно;

- наличие закрытых зон, опосредованных опытом проживания, выживания и переживания в условиях тотальной угрозы существования группы, расхождениями между дискурсами официальной и приватной памяти непосредственных участников или очевидцев тех или иных событий, которые основываются на разных целях, стратегиях и способах конструирования отношений к прошлому;

- эмоциональность и избирательность, проявляющиеся в том, что некоторые прошлые события стабильно сохраняются в коллективной памяти и внимание на них устойчиво фиксируется, независимо от того позиционируются они для группы как легендарные и победоносные или, наоборот, мучительные и неудобные;

- коммуникативность и нарративная организация, характеризующиеся тем, что коллективная память манифестируется и обнаруживается только при взаимодействии людей как в диахронном, так и в синхронном измерении;

- специфичность пространственно-временного хронотопа коллективной памяти, заключающаяся в непрерывности континуума культурных смыслов;

- возможность управления и внешняя интервенция (вмешательство извне), приводящие к реконфигурации пространства коллективной памяти и его форматированию под определенные задачи и потребности.

Следовательно, коллективная память как накопленный и обобщенный опыт группы и общества атрибутирует некоторое дополнительное значение событиям, происходящим «здесь и сейчас», обеспечивает сохранение, целостность и безопасность группы, а также формирует социальную и личностную идентичность ее членов. Несмотря на то что пространство коллективной памяти самонастраивается и самоорганизуется, оно является управляемым и может позиционироваться как обобщенная и управляемая память Других.

Семейная память как результат коммуникации со значимым Другим

Одной из разновидностей коллективной памяти, задающей, формирующей контекст индивидуальной памяти и служащей для нее своеобразной социокультурной матрицей, выступает семейная память, носителями и хранителями которой являются члены одной семейной системы. Контент семейной памяти характеризуется разной степенью осознанности и охватывает разные режимы бытия: повседневность (семейные традиции, ритуалы, сценарии жизни и поведенческие паттерны, кулинарные рецепты, дни и места памяти, семейные документы) и экстремальность (войны, природные и техногенные катастрофы, репрессии, травмы, опыт их преодоления и стратегии совладания с ними). Независимо от стилистического режима семейная память выполняет те же основные функции, что и коллективная – конструирует личностную и социальную идентичность, укрепляет и консолидирует членов семьи, актуализирует у них чувство принадлежности, солидарности, включенности в семейный контекст, охраняет и транслирует значимые семейные ценности, верования и установки.

Несмотря на разные режимы, семейная память сохраняется и транслируется только в процессе коммуникации между членами семьи, благодаря которой прошлое становится памятью [4]. Семейная память проявляется через интеракции Я – Другой и объективируется посредством беседы, дискурса, повествования, т. е. по сути является коммуникативной памятью, needing в языке как основном средстве выражения прожитого и пережитого, и представляет собой знания, опыт или биографические воспоминания, разделенные с другими представителями семьи и ставшие для них общими. Она проявляется не только посредством артикулированных, проговоренных семейных историй, но и через семейный уклад, особенности детско-родительских и супружеских отношений, специфику жизненных сценариев, установок и ценностей. Как считают Я. Ассман и А. Ассман [5, 6], коммуникативная память охватывает временной интервал трех-четырех поколений людей (80–100 лет) и может полностью исчезнуть вместе со своими носителями, если не будет трансформирована в метанарратив коллективной или культурной памяти.

Вероятно, успех коммеморативного проекта «Бессмертный полк» отчасти связан именно с включением в общую рамку дискурсов официальной и семейной памяти. Официальный дискурс коллективной памяти о победе в Великой Отечественной войне, рефреном которого выступает лозунг «Никто не забыт», акцентирует внимание на народном характере Победы и поименном признании заслуг каждого ее участника. У семейной памяти есть конкретные персонифицированные лица, а ее дискурс направлен на сакрализацию члена семейной системы – образа ветерана или труженика тыла, благодаря которому подтверждается его высокий статус, – а также на поддержание межпоколенческих связей в семье. Участие в акции – это коммуникативный жест, эмоционально сшивающий в единое целое прошлое, настоящее и будущее семейных поколений и имеющий многих адресатов: всех тех, кто непосредственно участвовал и героически победил там и тогда, всех тех, кто ответственно помнит и гордится здесь и сейчас, и всех тех, кто должен помнить и благодарить в будущем.

Содержание семейной памяти, безусловно, всегда пересекается с историческими событиями, которые вплетаются в автобиографический или семейный нарратив. Вместе с тем семейная память существенно отличается от исторической тем, что психологическая позиция ее субъекта, которая характеризуется разным соотношением слагаемых исторического опыта, не является однозначно определяющей. Это означает, что не столь важно, являлся ли рассказывающий представителем семьи участником, очевидцем, современником или наследником тех или иных событий, насколько полно, целостно и достоверно он излагает события прошлого. Значительно

существеннее артикуляция его текстов памяти – версий прошлого, смысловые интерпретации и субъективные переживания, их эмоционально-ценностный, смысловой, нормативный, аксиологический контекст. Более того, по тщательно сохранным семейным документам – мемуарам, рукописям, фотографиям, дневникам, бытовым предметам – возможно реконструировать атмосферу и дух того или иного исторического периода, позволяющие лучше понять определенную эпоху, ее рамки и жизнь людей.

Позиционируя семейную память как коммуникативную, проанализируем ее основные составляющие, опираясь на базовую модель коммуникации, репрезентированную пятью основными компонентами – кто, что, по какому каналу, кому, с каким эффектом. Заметим, что для этого анализа мы будем обращаться к экстремальному режиму семейной памяти, т. е. к тому ее содержанию, которое связано с тяжелыми, травматическими событиями и переживаниями.

Кто является основным хранителем и транслятором содержания семейной памяти? Безусловно, семья может назначить рассказчиком той или иной семейной истории практически любого своего представителя, но все же не каждый член семьи может быть услышан, не все события прошлого включаются в семейную память и полностью передаются и не любое межличностное семейное взаимодействие способствует трансмиссии коллективной памяти [7–9]. По мнению А. А. Шутценбергер [10], фигурами умолчания и, соответственно, фигурами молчания внутри семейной памяти, как правило, являются те, кто совершил что-то предосудительное с точки зрения норм морали определенного времени и нанес репутационный вред всей семейной системе. В интересном исследовании, проведенном С. А. Векиловой [11], эмпирически доказывается, что из содержания семейной памяти удаляется та информация, которая противоречит, вступает в конфликт или не соответствует установкам и стереотипам семьи. В частности, было показано, что чаще «забываются» не кровные родственники («не-свои», привлеченные супружеские партнеры), члены семьи с низким статусом, дети, так и не ставшие взрослыми в силу разных причин. Обратим внимание на то, что дихотомия «свой – чужой», являясь онтологической константой, явно проявляется и внутри семейного контекста, не давая «чужим» право голоса на трансляцию своего видения тех или иных семейных событий.

Чаще всего архиватором семейных историй выступает значимый Другой, который именно благодаря своей значимости может быть услышан и понят другими членами семьи. Заметим, что его значимость обуславливается как высоким положением в обществе, заслуженной репутацией, авторитетом, властью, так и особым семейным статусом – положением представителя старшего поколения в семье, имеющего богатый и востре-

бованный жизненный опыт, наделенного мудростью, открытостью и умением видеть глубину происходящего.

Кому передаются семейные истории? Только заинтересованному Другому, поскольку при артикулировании своего опыта и переживаний рассказчику важна реакция Другого, которая позволяет ему переосмыслить и по-новому оценить свои действия с учетом перспективы видения, оценок Другого, его интереса и эмоционального отклика [12]. Несмотря на уникальность и эксклюзивность каждого человека, его память как качество опыта всегда вписана в пространственно-временной, социокультурный и коммуникативный контекст. Именно это существенно определяет содержание того, что конкретно вспоминается, и способствует актуализации тех или иных мнемических следов [13].

Считается, что травматические события памяти рода передаются через поколение. Это обусловлено несколькими причинами. Первая – «оглушенное состояние выжившего» [6], его защитная «ослабленная память» [14], отсутствие сил прорабатывать, а тем более проговаривать Другому травматический опыт, желание оградить следующее поколение от трагических голосов и собственных болезненных воспоминаний. Это своеобразный период латентного присутствия травматического опыта в семейной памяти, который, несмотря на скрытую форму, все равно транслируется через невербальное поведение, коммуникативные умалчивания, мнемоническую тишину [15, 16], запреты и разрывы воспоминаний.

Вторая причина – то, что поколения, родившиеся после травматических событий, условно говоря «дети» носителей травмы, сохраняют в памяти лишь то, что считают важным в жизни родителей, и как показывают исследования, этим важным и значимым является не опыт переживаний старшего поколения, а те материальные изменения, которые последовали за трагическими событиями [17]. В еще одном исследовании эмпирически доказывается, что дети людей, переживших травматические ситуации в детстве (например, войну), вынужденно становятся доминантными взрослыми для них, т. е. родителями собственных родителей, используя для обозначения этого феномена термин «парентификация» и подчеркивая, что представители второго поколения рано становятся самостоятельными и чувствуют ответственность за родителей [18]. Получается, что второе поколение, наследуя травматический опыт, также не может его эмоционально прорабатывать, заботясь и защищая «слабых», травмированных, уязвимых родителей, и именно поэтому фиксируется на рациональных моментах.

Начиная с третьего поколения – внуков жертв-очевидцев, модальность содержания семейной памяти (и в целом коллективной памяти), связанной с травматическими и трагическими событиями, меняется с жертвенной на героическую [19]. Му-

чения и страдания людей приобретают сакральный смысл, происходит мифологизация жертв, придающая им дополнительную убедительность и историчность, а также смещается нарративная оптика с жертвования на самопожертвование, подражающая наделение жертвы-героя чертами пассионарной личности, осознанно жертвующей собой ради общего будущего. У третьего поколения актуализируется важное измерение семейной памяти – этическое, связанное со стремлением восстановить справедливость как минимум по отношению к члену семейной системы, а как максимум – по отношению ко всем жертвам, а также осуществить акт справедливого возмездия, т. е. полностью переформатировать контуры семейной и коллективной памяти.

Как закрепляются следы семейных историй и воспоминаний? Подобное сохранение имеет место благодаря формированию постпамяти – совокупности воспоминаний, опосредованных тесным межличностным взаимодействием с членами семьи, пережившими те или иные события и имеющими «живой» опыт, при этом «пост» символизирует этическую границу, разделяющую поколенческий опыт [20]. Сохранение памятного семейного нарратива происходит благодаря:

– эмоциональным механизмам – аффективной идентификации со значимыми и близкими Другими, эмпатии, рефлексии, эмпатическому резонансу;

– когнитивным механизмам – групповому осознанию, проработке и принятию, конструированию согласованных интерсубъективных смыслов, рефлексии ответственности перед собой и Другими, поддержке позитивной семейной идентичности;

– поведенческим механизмам – подражанию, присвоению поведенческих сценариев и паттернов, координации, сотрудничеству, групповому копингу.

Семейные рассказы передаются как аксиологические инварианты и смысловые константы, а возможность личностной идентификации с героями семейных историй позволяет запустить механизм трансгенерационной трансмиссии, основной целью которой выступают своеобразная индивидуализация семьи, акцентирование ее отличий от многих других, обусловленное не только собственной галереей предков, но и семейными ожиданиями.

Заключение

Коллективная память как депозитарий коллективного опыта большой группы, репрезентированного в смыслах, символах, образах, культурных кодах, средствах, механизмах воспроизводства и трансляции прошлого, представляет собой общественно-политический и социально-психологический конструкт, с помощью которого происходит нарративизация прошлого. В официальном дис-

курсе коллективной памяти «растворяется» живая память участников в сконструированной картине прошлого, а разные голоса очевидцев и их многоголосье сводятся к единому управляемому хору. Коллективная память есть обобщенная и управляемая память Других, доминантной функцией которой выступает сохранение целостности и безопасности большой группы.

Что касается дискурса семейной памяти, то он строится с учетом переживания событий, их включенности не только в хронологию общественной жизни, но и траекторию своей собственной судьбы, личного и семейного опыта, который оказывает влияние на Я-концепцию, персональную и социальную идентичность и не может быть аннулирован сверху. Семейная память представляет собой коммуникативную память, основанную на эффекте соучастия и сопричастности прожитого, пережитого и проговоренного опыта значимого Другого.

Библиографический список

1. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Рягузова Е. В. Память Другого или другая память : социально-психологический анализ коммеморативных практик // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 61–68. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68
3. Szpunar P. M., Szpunar K. K. Collective future thought: Concept, function, and implications for collective memory studies // Memory Studies. 2015. Vol. 9, iss. 4. P. 376–389. DOI: 10.1177/1750698015615660
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти : пер. с фр. М. : Новое издательство, 2007. 346 с.
5. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // E. Erll, A. Nünning, eds. Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, New York : Walter de Gruyter GmbH & Co., 2008. P. 109–118.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого : мемориальная культура и историческая политика : пер. с нем. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
7. Bietti L. M. Sharing Memories, Family Conversation and Interaction // Discourse and Society. 2010. Vol. 21, № 5. P. 499–523.
8. Stone C. B., Jay A. C. V. From the individual to the collective : The emergence of a psychological approach to collective memory // Applied Cognitive Psychology. 2019. Vol. 33, iss. 4. P. 504–515. DOI: 10.1002/acp.3564
9. Seery A., Bacon K. Auto/Biographical Research and the Family // J. Parsons, A. Chappell, eds. The Palgrave Handbook of Auto/Biography. Palgrave Macmillan : Cham, 2020. P. 143–156. DOI: 10.1007/978-3-030-31974-87
10. Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М. : Изд-во Института психотерапии, 2001. 231 с.
11. Векилова С. А. Социальные рамки памяти многопоко-

- ленной семьи // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2013. Т. 6, № 3. С. 46–53.
12. *Habermas T.* Emotion and Narrative : Perspectives in Autobiographical Storytelling. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 345 p. DOI: 10.1017/9781139424615
 13. *Bietti L. M., Stone C. B., Hirst W.* Contextualizing human memory // *Memory Studies*. 2014. Vol. 7, iss. 3. P. 267–271.
 14. *Адорно Т.* Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 36–45.
 15. *Stone C. B., Hirst W.* (Induced) Forgetting to Form a Collective Memory // *Memory Studies*. 2014. Vol. 7, iss. 3. P. 314–327. DOI: 10.1177/1750698014530621
 16. *Stone C. B., Coman A., Brown A. D.* Toward a Science of Silence : The Consequences of Leaving a Memory Unsaid // *Perspectives on Psychological Science*. 2012. Vol. 7, iss. 1. P. 39–53. DOI: 10.1177/1745691611427303
 17. *Gu X., Tse C.-Sh., Brown N. R.* Factors that modulate the intergenerational transmission of autobiographical memory from older to younger generations // *Memory*. 2020. Vol. 28, iss. 2. P. 204–215. DOI: 10.1080/09658211.2019.1708404
 18. *Тинькова Е. Л., Катилевская Ю. А., Носенко М. А.* Трансгенерационные связи в семьях детей войны // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Познание». 2017. № 09-10. С. 47–52.
 19. *Тарабрина Н. В., Майн Н. В.* Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) // Консультативная психология и психотерапия. 2013. Т. 21, № 3. С. 96–119.
 20. *Хирш М.* Что такое постпамять (пер. с англ.) [Электронный ресурс]. URL: <http://urokiistorii.ru/node/53287> (дата обращения: 08.04.2020).

Образец для цитирования:

Рыгузова Е. В. Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акемология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 324–330. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-324-330>

Collective and Family Memory in the Context of “I and Others” Interaction

Elena V. Ryaguzova

Elena V. Ryaguzova, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, rjaguzova@yandex.ru

The article presents the results of theoretical analysis of the “collective memory” constructs as a repository of collective experience of a large group, represented in the meanings, symbols, images, cultural patterns, means, mechanisms of reproduction and translation of the past, and the “family memory” constructs as its kind in the context of a small group. *We believe*, that collective and family memory act as specific ontological support that allows actors to establish order and harmony in the society, understand the principles of its life organization, construct social and cultural identity, determine the existential meaning, trajectory and strategy of a person's life, preserve the configuration of key values and transmit them to the next generations. *The purpose of the study* is to determine the specific features of collective and family memory as phenomena arising from the interaction of I and the Other/Others. The main research method is the theoretical self-reflection of collective and family memory in the context of the interaction of I and the Other. We assert that collective memory is a generalized and controlled memory of Others, whose dominant function is the preservation of the integrity and security of a large group, while family memory is a communicative memory based on the effect of sympathy and participation of the lived, experienced and spoken experience of a Significant Other – a small group representative. The applied aspect of the problem under study is to use the results of the theoretical self-reflection in developing the basics of the memory policy and commemorative practices, managing the past and resolving memory conflicts within the framework of the Great History discourse, and also forming meta-settings of family system members in relation to their own real and effective family history.

Keywords: collective memory, I–the Other, generalized memory of Others, family memory, memory of a Significant Other.

Received: 12.03.2020 / Accepted: 07.09 2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (in Russian).
2. Ryaguzova E. V. Memory of the Other or the Other Memory: the Social-Psychological Analysis of Commemorative Practices. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 61–68 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68
3. Szpunar P. M., Szpunar K. K. Collective future thought: Concept, function, and implications for collective memory studies. *Memory Studies*, 2015, vol. 9, iss. 4, pp. 376–389. DOI: 10.1177/1750698015615660
4. Khal'bvaks M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow, Novoye izd-vo, 2007. 346 p. (in Russian, trans. from French).
5. Assmann J. Communicative and Cultural Memory. In: E. Erll, A. Nünning, eds. *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York, Walter de Gruyter GmbH&Co., 2008. P. 109–118.
6. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014. 328 p. (in Russian, trans. from German).
7. Bietti L. M. Sharing Memories, Family Conversation and Interaction. *Discourse and Society*, 2010, vol. 21, no. 5, pp. 499–523.
8. Stone C. B., Jay A. C. V. From the individual to the collective: The emergence of a psychological approach to collective memory. *Applied Cognitive Psychology*, 2019, vol. 33, iss. 4, pp. 504–515. DOI: 10.1002/acp.3564

9. Seery A., Bacon K. Auto/Biographical Research and the Family. In: J. Parsons, A. Chappell, eds. *The Palgrave Handbook of Auto/Biography*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 143–156. DOI: 10.1007/978-3-030-31974-87
10. Shuttsenberger A. A. *Sindrom predkov. Transgeneratsionnyye svyazi, semeynyye tayny, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoye ispol'zovaniye genosotsiogrammy* [Syndrome of ancestors. Transgenerative relationships, family secrets, anniversary syndrome, transmission of injuries and the practical use of genosociograms]. Moscow, Izd-vo Instituta psikhoterapii, 2001. 231 p. (in Russian).
11. Vekilova S. A. Social frames of multigenerational family's memory. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 2013, vol. 6, iss. 3, pp. 46–52 (in Russian).
12. Habermas T. *Emotion and Narrative: Perspectives in Autobiographical Storytelling*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 345 p. DOI: 10.1017/9781139424615
13. Bietti L. M., Stone C. B., Hirst W. Contextualizing human memory. *Memory Studies*, 2014, vol. 7, iss. 3, pp. 267–271.
14. Adorno T. Chto znachit «prorabotka proshlogo» [What does “study of the past” mean]. *Neprikosnovennyy zapas* [The untouchable reserve], 2005, no. 2–3, pp. 36–45 (in Russian).
15. Stone C. B., Hirst W. (Induced) Forgetting to Form a Collective Memory. *Memory Studies*, 2014, vol. 7, iss. 3, pp. 314–327. DOI: 10.1177/1750698014530621
16. Stone C. B., Coman A., Brown A. D. Toward a Science of Silence: The Consequences of Leaving a Memory Unsaid. *Perspectives on Psychological Science*, 2012, vol. 7, iss. 1, pp. 39–53. DOI: 10.1177/1745691611427303
17. Gu X., Tse C.-Sh., Brown N. R. Factors that modulate the intergenerational transmission of autobiographical memory from older to younger generations. *Memory*, 2020, vol. 28, iss. 2, pp. 204–215. DOI: 10.1080/09658211.2019.1708404
18. Tinkova E. L., Katilevskaya Yu. A., Nosenko M. A. Transgenerational relations in the families of persons born in time of war. *Modern Science: actual problems of theory & practice. Series of «Cognition»*, 2017, no. 09-10, pp. 47–52 (in Russian).
19. Tarabrina N. V., Mayn N. V. Phenomenon of intergenerational (Transgenerational) transmission of mental traumatization (analytical review of international studies). *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2013, vol. 21, no. 3, pp. 96–119 (in Russian).
20. Hirsch M. *Chto takoye postpamyat'* (What is Post-Memory). Available at: <http://urokiistorii.ru/node/53287> (accessed 8 April 2020) (in Russian, trans. from English).

Cite this article as:

Elena V. Ryaguzova. Collective and Family Memory in the Context of “I and Others” Interaction. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 324–330 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-324-330>
